

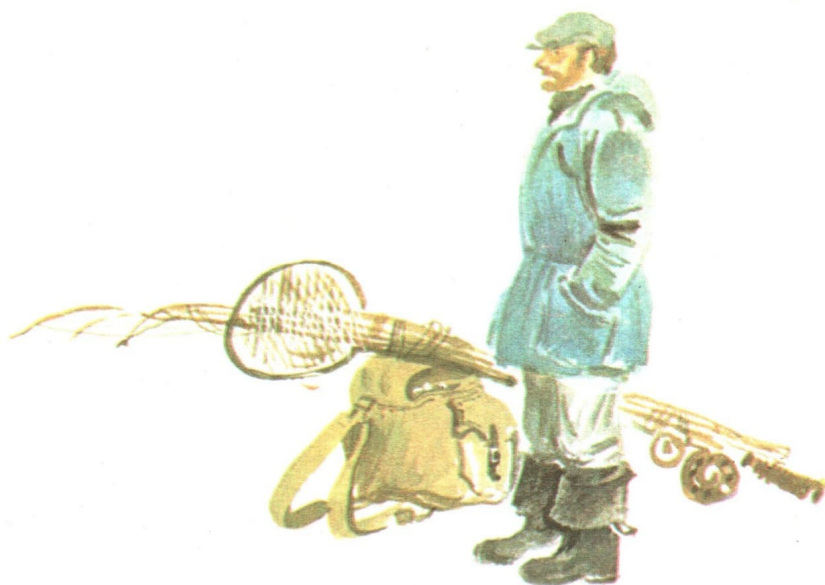
The illustration depicts a kingfisher bird with a blue-green head, a red breast, and a white belly, perched on a golden-brown reed. The bird is facing left, with its wings slightly spread. The background features a dense forest of evergreen trees under a bright blue sky with white, fluffy clouds. The overall style is that of a classic children's book illustration, with vibrant colors and a detailed, textured appearance.

**ЕВГЕНИЙ
НОСОВ**

Зимородок

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“, МОСКВА • 1982

ЗИМОРОДОК

У каждого рыбака есть на реке любимый уголок. Здесь он строит себе приваду. Забивает в дно реки у берега полукругом колья, оплетает их лозой, а пустоту внутри засыпает землёй. Получается что-то вроде маленького полуострова. Особенно когда рыбак обложит приваду зелёным дёрном, а забитые колья пустят молодые побеги.

Тут же, в трёх-четырёх шагах, на берегу, сооружают укрытие от дождя — шалаш или землянку. Иные устраивают себе жилище с нарами, маленьким оконцем, с керосиновым фонариком под потолком. Здесь и проводят рыбаки свой отпуск.

Этим летом я не строил себе привады, а пользовался старой, хорошо обжитой, которую уступил мне товарищ на время отпуска. Ночь мы прорыбачили вместе. А наутро мой друг стал собираться к поезду. Укладывая рюкзак, он давал мне последние наставления:

— Не забывай о прикорме. Не будешь подкармливать рыбу — уйдёт она. Потому и привадой называют, что к ней рыбу приваживают. На рассвете подсыпай жмышку. Он у меня в мешочке над нарами. Керосин для фонаря найдёшь в погребе за шалашом. Молоко я брал у мельничихи. Вот тебе ключ от лодки. Ну, кажется, всё. Ни хвоста, ни чешуи!

Он вскинул на плечи рюкзак, поправил сбитую лямкой кепку и вдруг взял меня за рукав:

— Да, чуть не забыл. Тут по соседству зимородок живёт. Гнездо у него в обрыве, вон под тем кустом. Так ты не обижай. Пока я рыбачил, привык ко мне. До того осмелел, что на удочки стал садиться. Дружно жили. Да и сам понимаешь: одному тут скучновато. И тебе он верным напарником в рыбалке будет. Мы с ним уже третий сезон знакомство ведём.

Я тепло пожал руку товарищу и пообещал продолжить дружбу с зимородком.

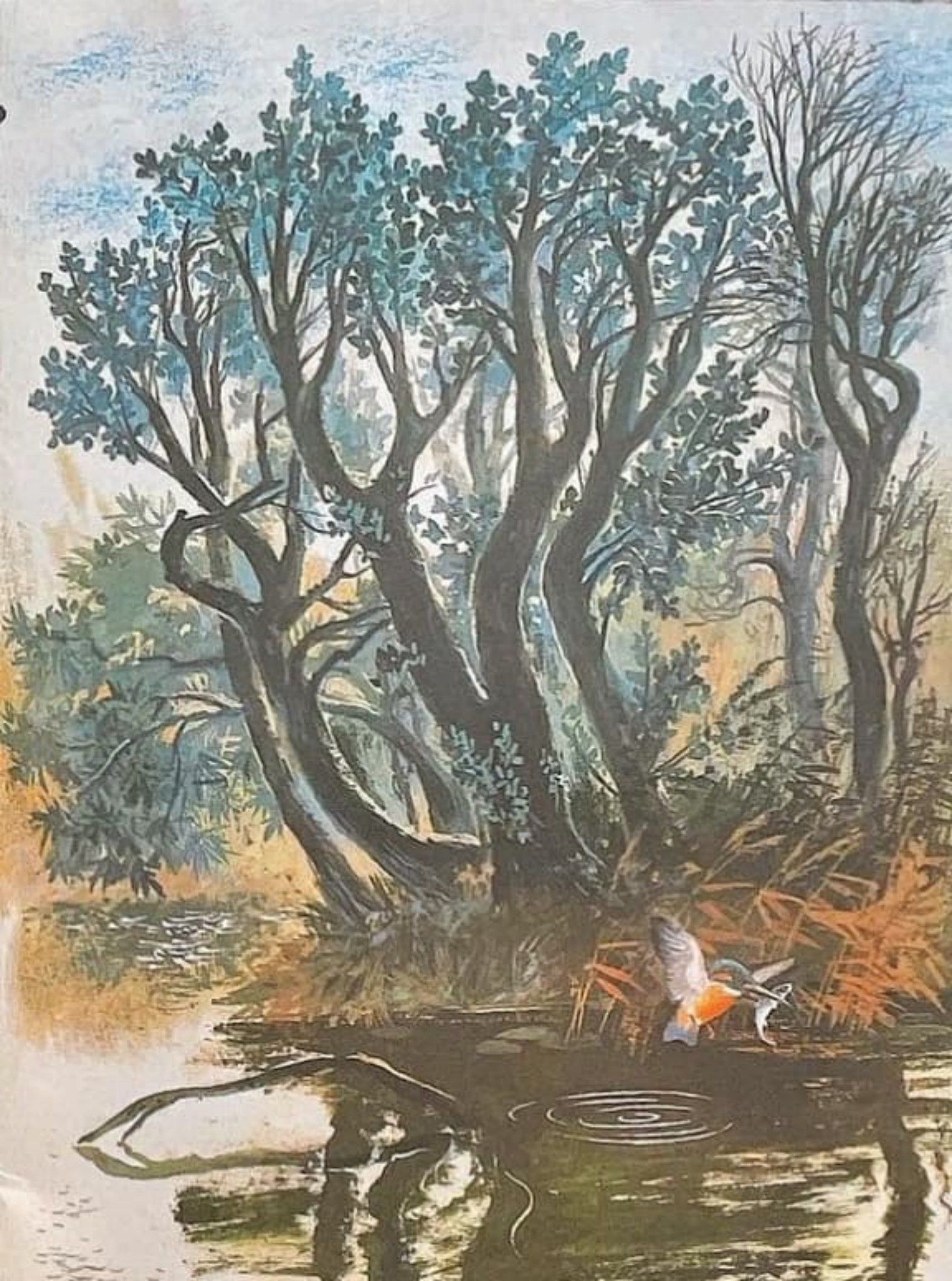
«А каков он, зимородок-то? — подумал я, когда приятель был уже далеко. — Как я его узнаю?» Я когда-то читал про эту птичку, но описания не запомнил, а живой видеть не приходилось. Расспросить же друга, как она выглядит, не догадался.

Но вскоре она сама объявилась. Я сидел у шалаша. Утренний клёв окончился. Поплавки недвижно белели среди тёмно-зелёных лопухов кувшинок. Иногда разыгравшаяся мальва задевала поплавки, они вздрагивали, заставляли меня насторожиться. Но вскоре я понял, в чём дело, и совсем перестал следить за удочками. Наступал знойный полдень — время отдыха и для рыбы и для рыболовов.

Вдруг над прибрежными зарослями осоки, часто-часто махая крылышками, промелькнула крупная яркая бабочка. В то же мгновение бабочка опустилась на крайнее моё удилище, сложила крылья и оказалась... птичкой. Тонкий кончик удилища закачался под ней, подбрасывая птичку вверх и вниз, заставляя её то вздрагивать крылышками, то растопыривать хвостик. И точно такая же птичка, отражённая в воде, то летела навстречу, то вновь падала в синеву опрокинутого неба.

Я затаился и стал разглядывать незнакомку. Она была удивительно красива. Оливково-оранжевая грудка, тёмные, в светлых пестринках, крылья и яркая, небесного цвета, спинка, настолько яркая, что во время полёта она блестела совершенно так же, как переливается на изгибах освещённый солнцем изумрудно-голубой атлас. Неудивительно, что я принял птичку за диковинную бабочку.

Но пышный наряд не шёл к её лицу. В её облике

было что-то скорбное, печальное. Вот удочка перестала качаться. Птичка замерла на ней неподвижным комочком. Она зябко втянула в плечи голову и опустила на зоб длинный клюв. Короткий, едва выступавший из-под крыльев, хвост тоже придавал ей какой-то сиротливый облик. Сколько я ни следил за ней, она ни разу не пошевелилась, не издала ни единого звука. И всё смотрела и смотрела на струившиеся под ней тёмные воды реки. Казалось, она уронила что-то на дно и теперь, опечаленная, летает над рекой и разыскивает свою потерю.

И у меня стала складываться сказка про красавицу царевну. О том, как её заколдовала злая баба-яга и превратила в птичку-зимородка. Одежда на птичке так и осталась царская: из золотой парчи и голубого атласа. А печальна царевна-птица оттого, что баба-яга забросила в реку серебряный ключик, которым отмыкается кованный сундук. В сундуке на самом дне лежит волшебное слово. Овладев этим словом, царевна-птичка снова станет

царевной-девушкой. Вот и летает она над рекой, грустная и скорбная, ищет и никак не может отыскать заветный ключик.

Посидела, посидела моя царевна на удочке, тоненько пискнула, будто всхлипнула, да и полетела вдоль берега, часто махая крылышками.

Очень понравилась мне птичка. Обидеть такую рука не поднимается. Не зря, выходит, предупреждал меня товарищ.

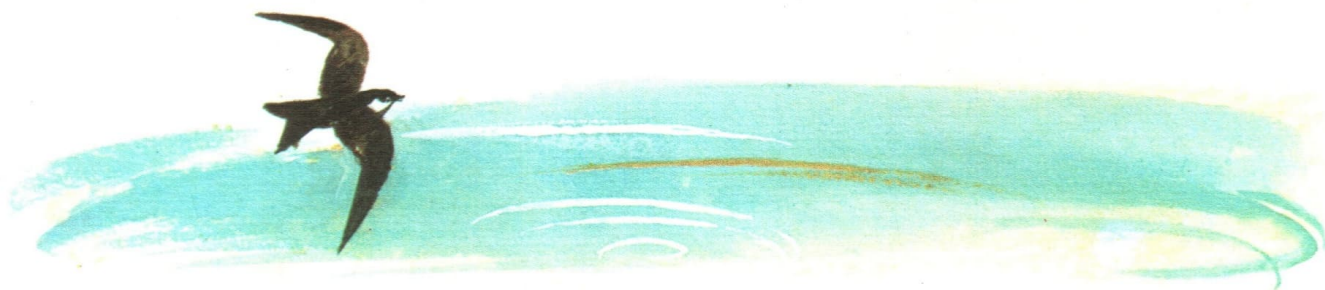
Зимородок прилетал каждый день. Он, видно, и не заметил, что на приваде появился новый хозяин. И какое ему было до нас дело? Не трогаем, не пугаем — и на этом спасибо. А я к нему прямо-таки привык. Иной раз почему-то не навестит — и уже скучаешь. На пустынной реке, когда живёшь так невылазно, каждому живому существу рад.

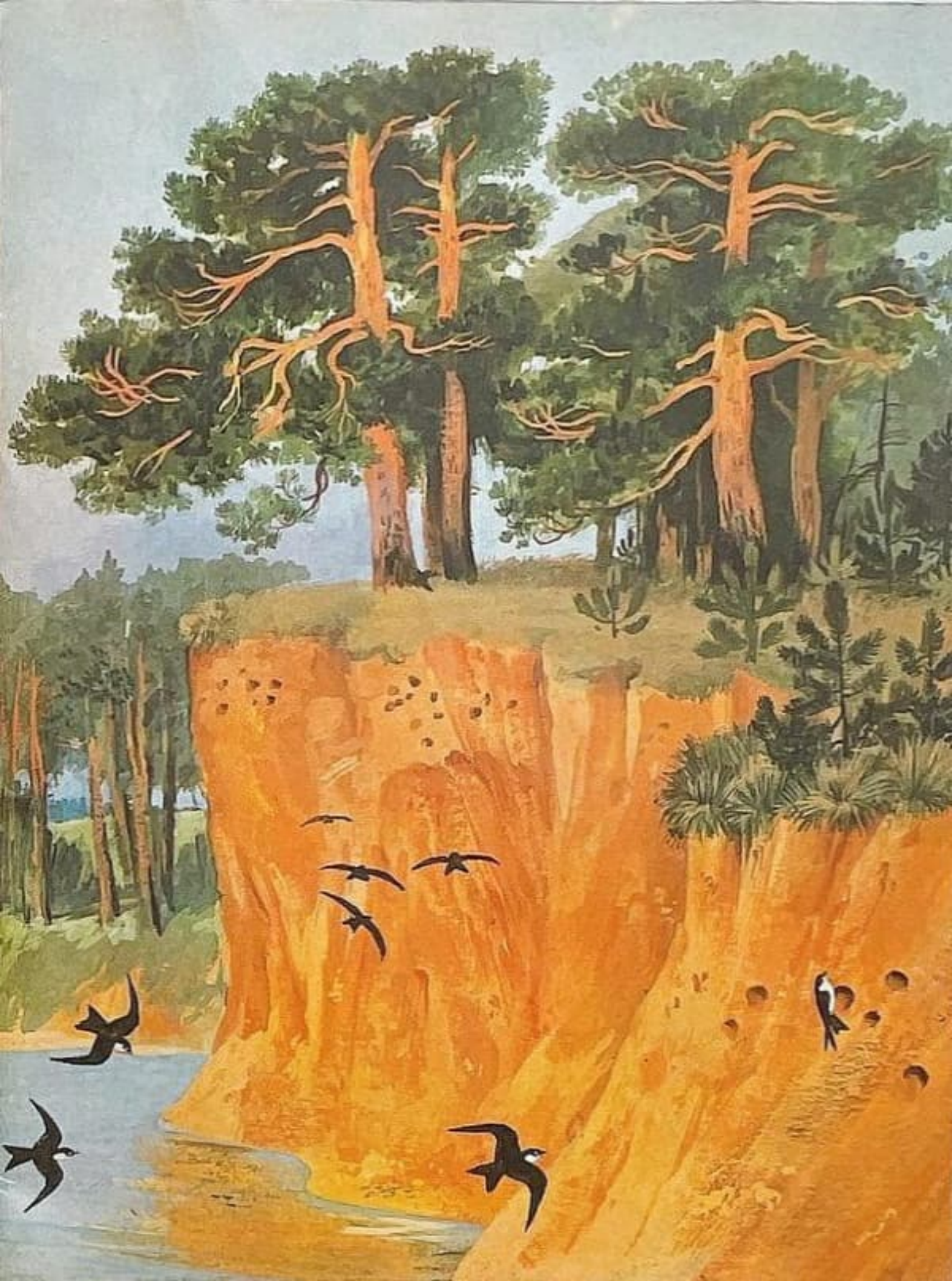
Как-то прилетела моя пичужка на приваду, как и прежде, уселась на удочку и стала думать свою думу горькую. Да вдруг как бухнется в воду. Только брызги во все стороны полетели. Я даже вздрогнул от неожиданности. А она тут же взлетела, сверкнув чем-то серебряным в клюве. Будто это и был тот самый ключик, который она так долго искала.

Но оказалось, моя сказка на этом не окончилась. Зимородок прилетал и прилетал и всё был так же молчалив и не весел. Изредка он нырял в воду, но вместо заветного ключика попадались мелкие рыбёшки. Он уносил их в свою глубокую нору-темницу, вырытую в обрыве.

Приближался конец моего отпуска. По утрам над рекой больше не летали весёлые ласточки-береговушки. Они уже покинули родную реку и тронулись в далёкий и трудный путь.

Я сидел у шалаша, греясь на солнце после едкого утреннего тумана. Вдруг по моим ногам скользнула чья-то тень. Я вскинул голову и увидел ястреба. Хищник стремительно мчался к реке, прижав к бокам свои силь-

ные крылья. В тот же миг над камышами быстро-быстро замахал крылышками зимородок.

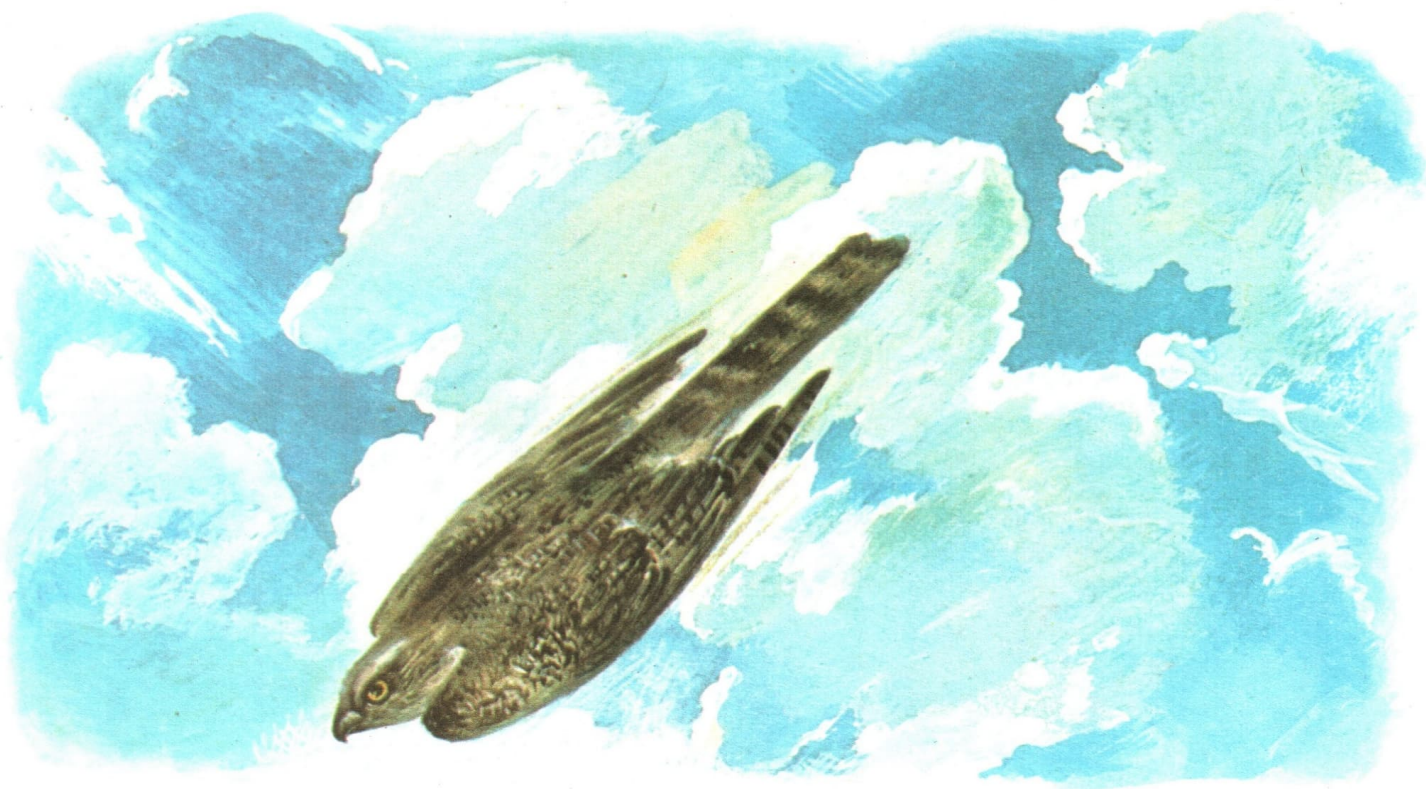
— Ну зачем же ты летишь, дурачишка! — вырвалось у меня. — От такого разбойника на крыльях не спасёшься. Прячься скорей в кусты!

Я вложил в рот пальцы и засвистел что было мочи. Но, увлечённый преследованием, ястреб не обратил на меня внимания. Слишком верна была добыча, чтобы отказать от погони. Ястреб же вытянул вперёд голенастые ноги, распустил веером хвост, чтобы затормозить стремительный разлёт и не промахнуться... Злая колдунья послала на мою царевну смерть в облике пернатого разбойника. Вот какой трагический конец у моей сказки.

Я видел, как в воздухе мелькнули в молниеносном ударе когтистые лапы хищника. Но буквально на секунду раньше зимородок голубой стрелой вонзился в воду. На тихой предвечерней воде заходили круговые волны, удивившие одураченного ястреба.

Я собирался домой. Отвёл лодку к мельнице для примотра, уложил в заплечный мешок вещи, смотал удочки. А вместо той, на которой любил сидеть зимородок, воткнул длинную ветку лозы. Под вечер как ни в чём не бывало прилетела моя печальная царевна и доверчиво уселась на хворостину.

— А я вот уйду домой, — сказал я вслух, завязывая рюкзак. — Поеду в город, на работу. Что ты будешь одна делать? Смотри, ястребу на глаза больше не попадайся. Полетят твои оранжевые и голубые пёрышки над рекой. И никто про то не узнает.

Зимородок, нахохленный, недвижно сидел на лозинке. На фоне полыхающего заката отчётливо вырисовывалась сиротливая фигурка птички. Казалось, она внимательно слушала мои слова.

— Ну, прощай!..

Я снял кепку, помахал моей царевне и от всей души пожелал отыскать серебряный ключик.

ХИТРЮГА

Давно приставал ко мне сынишка: принеси да принеси из лесу ежа. Они в школе живой уголок устроили: есть кролик, ящерица, воробей, даже морскую свинку где-то достали. А вот ежа нет. Раза два всем классом в лес ходили, да разве его скоро найдёшь? Вот сынишка и пообещал товарищам, что я обязательно поймаю. Я, мол, знаю, где какая птица, какой зверь прячется.

Пожурил я сына за поспешное обещание, которое может остаться и невыполненным, да делать нечего. Пришлось искать ежа. Правда, специально за ним я не ходил. Отправляюсь на охоту или рыбную ловлю, ну и про ежа помню: может, по пути встретится. А оно всегда так бывает: когда чего не надо — попадается, а когда ищешь — не найдёшь.

Прошлой осенью ходил я к дальнему лесному озеру за окунями. Тихо и светло бывает в лесу ясным осенним днём. Светло оттого, что листья осыпались и больше не затевают землю, а тихо потому, что и ветер не шумит кроной, и птиц не слышно — они уже улетели на юг. Стволы деревьев подпирают небо, будто колонны. Между ними постлан мягкий ковёр из сухих листьев. Изредка попадают молодые дубки с ещё не опавшей листвой. Освещённые солнцем, они вспыхивают в просветах между стволов, словно зажжённые факелы. И эхо, гул-

кое, раскатистое, блуждает в лесу тоже как в большом пустом здании.

В таком лесу далеко слышен каждый звук. Скачет ли заяц или сторожко крадётся лисица — нет-нет да и хрустнет сухая ветка, зашуршат опавшие листья.

Слышу и я: кто-то бежит под кустами лещины. Топ-топ-топ... Присел на корточки, чтобы под ветки заглянуть. Вижу: прямо на меня катится возок, доверху нагруженный листьями. Точь-в-точь, как телега с сеном. Только величиной-то этот возок с шапку и движется он сам собой, без лошади.

— Ёжик! — догадался я. — Тащит сухие листья в нору на подстилку.

Ежу очень удобно собирать листья. Найдёт местечко, где их побольше, растопырит иголки — и ну кататься, с боку на бок переваливаться. Листья и накалываются на его колючки. Встанет на лапки ёж, а его под листьями и не видать. Так и бежит он в золотой одежде в свою нору.

Почуял меня ёж — остановился, припал к земле. Только листья шевелятся на его взъерошенной спинке.

Это было до того, как сын попросил ежа, к тому же я шёл к озеру, и братъ зверюшку было не с руки. Ну и уступил ему дорогу.

Попадись он мне теперь — накрыл бы шапкой и в рюкзак! Но вот беда: хожу-хожу, а он всё не попадается. Едва я вечером на порог, а сын уже вопросительно смотрит: принёс?

— Нет, не принёс, — говорю. — Не надо было обещать! Нехорошо получается. Последняя надежда на следующее воскресенье. Если и тогда не встречу, там уже холода начнутся, все ежи по норам спрячутся до весны.

Очередной выходной день я ожидал с неменьшим нетерпением, чем сын. Охотничий азарт взял. Впервые отправился специально за этой колючей дичью. Проходил полдня, заглядывая под каждое корневище, под

каждую кучку валежника — нет ежа! Рассердился, даже по зайцу стрелять не стал, когда он из-под напиленных поленьев выскочил.

Повернул я домой. Чтобы быстрее идти, выбрался на железнодорожную насыпь. Шагаю по шпалам, а сам всё про сына вспоминаю. Сейчас открою дверь, а он — скок навстречу: «Принёс? Эх ты, охотник!»

Прошёл переезд. Скоро и лес должен кончиться, завиднеется город. И вдруг впереди между рельсами вижу — какой-то серый клубок катится, не прямо, а зигзагами: то к одному рельсу, то к другому жмётся и так ловко через шпалы прыгает. Снял я ружьё, прибавил шаг. Клубок ещё быстрее покатился. Я — бежать. Он тоже прибавил ходу. Чего бы ему через рельс не перепрыгнуть? Откос высокий, враз скатился бы, только его и видели.

Но серый клубок не думал сворачивать. Наконец нагнал я его. Да ведь это же ёжик! Вот выручил, вот спасибо тебе, глупенький ты зверюшка. Припал ёж в углублении между шпалами, оцетинился. А бока так и вздымаются, колючки так и ходят. Видно, запалил я его. А перепрыгнуть через рельс не догадался, не видел края, что ли? Наверное, на переезде переходил пути, да я помешал, он и угодил между двух рельсов. Накрыл я ёжика шапкой и сунул в рюкзак. А потом сбежал с насыпи в лес, набрал побольше листьев и набил ими мешок. Думаю, передам сыну пленника вместе с листьями. Пусть устроит ему настоящее гнездо.

Сына дома не оказалось: он не ожидал меня так рано и пошёл к товарищу. Ну ладно, думаю, так ещё лучше. Придёт, а ёж уже будет бегать по комнате.

Налил я в блюдечко молока, накрошил в него булку, а рядом кусок сырого мяса положил. Выбирай, ёжик, что понравится!

Но ежишка даже не взглянул на лакомства. Посидел тихонько взъерошенный, потом высунул из-под колючего чуба остренькое рыльце и затопал под шкаф.

В кухне света не стали зажигать, чтобы не беспокоить зверюшку, а сами перешли в столовую, закрыв за собой дверь.

Пришёл сынишка, увидел на полу рюкзак с листьями, рядом блюдечко с молоком, запрыгал, забил в ладошки:

— Принёс! Принёс! Принёс! Ну-ка, покажись, ёжик, какой ты? Пап, где же ёжик?

— Под шкафом, — сказал я, включая свет.

— Нету.

— Ну как — нету? Туда побежал. Тебе просто не видно.

— Хорошо видно. Там сзади стена освещена.

— Тогда, значит, в другое место перебежал. Посмотри под столом.

Сынишка, не вставая, на четвереньках дополз до кухонного с дверцами стола и заглянул под него.

— Тоже нет.

— Ну как — нет? — не поверил я и сам посмотрел под стол. Ежа и вправду не было.

— Может, кошка его съела?

— Выдумал! С ним собака и та не сладит...

Мы с сыном сидели на полу и, недоумённо глядя друг на друга, гадали, куда запропастился ёжик. Убежать он никуда не мог, разве только в столовую незаметно прошмыгнул. Но ведь дверь туда была закрыта.

Не меньше часа всей семьёй лазали на четвереньках по полу, по нескольку раз заглядывая во все углы.

— А не забрался ли он в поддувало? — с робкой надеждой предположил сын.

— А ведь верно!

Пошарили кочергой в поддувале — нет. Вот задача!

Снова собрались все в столовой, совещаемся. В самом деле, куда он мог спрятаться?

— Ведь не иголка же это, — возбуждённо всплескивает руками сын. — А тысяча иголок сразу!

Сидим молча, думаем. Вдруг слышу — кто-то на кухне лакает. Вскакиваем, бежим на кухню. А это наш кот Тишка. Съел мясо, которое ежу подложено, и молочком запивает.

Опять принялись за поиски, но так и не нашли ежа. Поздно вечером улеглись и долго ещё не спали, прислушиваясь, не зашлёпают ли по полу лапки беглеца.

— Папа, а не спрятался ли он в твой охотничий сапог? — спросил сын и, не дожидаясь моего ответа, соскочил с кровати, побежал обследовать сапоги.

— Нету...

— Спи, завтра сам найдётся.

Но и утром ежа не было. Расстроенный, сын пошёл в школу.

Весь день я гадал, куда мог исчезнуть ёжик. Вернувшись с работы, я ещё с порога спросил, не отыскался ли он. Но ежишка пропал бесследно.

Дня через два я зачем-то пошёл в кладовую. Увидев на стене туго набитый листьями мешок, я снял его с гвоздя, чтобы вытряхнуть: листья-то теперь не понадобятся. И что вы думаете? Вместе с листьями выпал на землю... ёжик. Он тотчас свернулся клубочком, будто сознавал всю вину за учинённый в доме переполох.

Как он мог оказаться в кладовой, в крепко затянутом рюкзаке, подвешенном на высоте двух метров?

Ответ мог быть только один. Когда мы оставили ежа в кухне, он, побегав среди незнакомых предметов, опять залез в рюкзак, откуда пахло родным лесом и его собственным запахом. А потом бабушка отнесла рюкзак в кладовую и повесила его на гвоздь...

Ну и хитрюга этот ёж! Так и называли его юннаты: Хитрюга.

20 коп.

для дошкольного возраста

Евгений Иванович Носов

ЗИМОРОДОК

Художник С. Бордюг

ИБ № 1237

Редактор **О. Лебедев**. Художественный редактор **О. Ведерников**. Технический редактор **О. Кистерская**. Корректор **Н. Пьякова**. Сдано в набор 25.03.81. Подписано в печать 10.11.81. 60×84/8. Офс. № 1. Гарнитура журнальная. Печать офсет. Усл. печ. л. 2,8. Уч.-изд. л. 2,66. Тираж 200 000 экз. Изд. № 1185. Заказ № 1011. Цена 20 коп. Издательство «Малыш». Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Н 70801—092
М102(03)—82 93—82

© Издательство «Малыш» 1982